

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ СТАТЬЯ

<https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2021-1-15>

УДК 311:331

А. П. Багирова^{а)}, О. М. Шубат^{б)}^{а, б)} Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Российская Федерация^{а)} <https://orcid.org/0000-0001-5653-4093>, e-mail: a.p.bagirova@urfu.ru^{б)} <https://orcid.org/0000-0002-0929-8144>

Модели прародительского труда в российском социально-экономическом пространстве¹

Изучение феномена прародительского труда является одной из перспектив развития экономики родительского труда — научного направления, активно развиваемого зарубежными, а с начала 2000-х гг. — и российскими исследователями. Высокий уровень социально-экономической дифференциации российских территорий, а также необходимость решения важных стратегических задач, сформулированных в национальном проекте «Демография» и Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года, актуализируют изучение прародительского труда. Цель настоящего исследования состоит в выявлении специфических региональных ситуаций — моделей прародительского труда в социально-экономическом пространстве страны. Эмпирической основой анализа послужили данные обследования Росстата «Комплексное наблюдение условий жизни населения», отдельные вопросы которого позволяют в первом приближении исследовать прародительский труд. В качестве основного метода применялись иерархический кластерный анализ (на основе метода Варда, квадрата евклидова расстояния и других мер) и неиерархический кластерный анализ (метод *k*-средних). В процессе исследования получены теоретико-методологические и прикладные результаты. Была представлена методологическая основа изучения прародительского труда, сформированная на базе результатов исследований родительского труда и зарубежных демографических исследований прародительства. Эмпирический анализ позволил выявить и охарактеризовать 6 моделей прародительского труда бабушек, сложившихся в российском социально-экономическом пространстве. Выявленные модели различаются по уровню и интенсивности включенности женщин старшего возраста в сферу прародительского труда, а также их потенциалу в этой сфере. Был представлен региональный состав каждой модели прародительского труда — выделены регионы-ядра, представляющие собой группы регионов, устойчиво связанных в различных вариантах кластеризации. Показаны преимущества активизации и стимулирования со стороны государства прародительского труда в регионах страны. Перспективы исследования — изучение особенностей прародительского труда для разных категорий его субъектов — мужчин, прародителей, проживающих вместе с внуками и отдельно от них, проживающих в одном городе, регионе или разных российских регионах.

Ключевые слова: домашний труд, родительский труд, прародительство, бабушки, демография прародительства, прародительский труд, временные затраты на труд, кластерный анализ, регионы России, модели прародительского труда

Благодарность

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00280.

Для цитирования: Багирова А. П., Шубат О. М. Модели прародительского труда в российском социально-экономическом пространстве // Экономика региона. 2021. Т. 17, вып. 1. С. 197-208. <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2021-1-15>

¹ © Багирова А. П., Шубат О. М. Текст. 2021.

RESEARCH ARTICLE

Anna P. Bagirova ^{a)}, Oksana M. Shubat ^{b)}^{a, b)} Ural Federal University, Ekaterinburg, Russian Federation^{a)} <https://orcid.org/0000-0001-5653-4093>, e-mail: a.p.bagirova@urfu.ru^{b)} <https://orcid.org/0000-0002-0929-8144>**Models of Grandparents' Labour in the Socio-Economic Space of Russia**

Foreign researchers consider the phenomenon of grandparents' labour in the framework of the economy of parental labour. Since the early 2000s, Russian scientists have been actively studying this problem due to high socio-economic disparity of Russian regions, and important strategic objectives stated in the Demography National Project and the Strategy of Spatial Development of the Russian Federation for the period until 2025. We identified and described specific regional situations, namely, models of grandparents' labour in the socio-economic space of the country. To analyse grandparents' labour, we examined individual questions of the "Comprehensive monitoring of living conditions" survey published by the Federal State Statistics Service (Rosstat). The research methodology includes both hierarchical (based on Ward's method, the square of the Euclidean distance, and other measures) and non-hierarchical cluster analysis (the k-means method). We proposed a method for studying grandparents' labour based on research of parental labour and international demographic studies on grandparenthood. The empirical analysis revealed 6 models of grandparents' labour in the socio-economic space of Russia. These models differ in the level and intensity of involvement of older women in the sphere of grandparents' labour and their potential in this area. For each model of grandparents' labour, we identified the core regions (groups of regions) involved in the clustering. We explained why the government should be interested in the activation and stimulation of grandparents' labour in Russian regions. Further research should focus on examining the particularities of grandparents' labour depending on the actors: men, grandparents living with their grandchildren and apart from them, living in the same city, in the same or different regions of Russia.

Keywords: household labour, parental labour, grandparenthood, grandmothers, demography of grandparenthood, grandparents' labour, labour time expenditure, cluster analysis, Russian regions, models of grandparents' labour

Acknowledgements

The article has been prepared with the support of Russian Foundation for Basic Research, the project No. 20-011-00280.

For citation: Bagirova, A. P. & Shubat, O. M. (2021). Models of Grandparents' Labour in the Socio-Economic Space of Russia. *Ekonomika regiona [Economy of region]*, 17(1), 197-208, <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2021-1-15>

Введение

В зарубежной экономике и социологии с середины XX в. активно изучается тема женского домашнего труда. Этот труд трактуется как экономически значимый и важный для изучения в качестве трудовой деятельности. Одна из первых фундаментальных работ на эту тему была представлена А. Оаклей [1], которая отметила следующие черты домашней работы: неудовлетворенность субъектов труда выполнением этого труда, однообразие и рутинность трудовых функций, низкий уровень социального взаимодействия при их выполнении, большая продолжительность рабочей недели (77 часов в неделю), обратное влияние опыта профессионального труда на уровень удовлетворенности домашним трудом, автономность (относительная свобода, по мнению А. Оаклей) субъекта труда (эта относительность связана с высокой ответственностью, в связи с чем, по мнению автора, является скорее теоретической).

А.Р. Хочсчилд в конце XX в. отмечала, что для многих современных родителей работа становится все более похожей на дом, а дом — все более похожим на работу [2]. Исследователь назвала этот феномен «ловушкой времени»: с увеличением рабочего времени у человека

усиливается чувство тревожности относительно дома и растет его стремление посвящать работе все больше и больше времени. Ее исследование показало, что интерес к мерам семейной политики в Америке, позволяющей родителям работать меньше и выбирать более гибкий график работы, остается в недостаточной мере востребованным. Вывод исследователя однозначен: для работников, имеющих детей, их работа, в отличие от дома, является сферой, которая комфортна, более контролируема, которая связана с материальным и нематериальным вознаграждением; дом же ассоциируется с рутинным трудом, с низкостатусной и недооцениваемой в современной культуре работой.

Зарубежные ученые, изучающие тему домашнего труда, в качестве одной из составляющих этого вида труда выделяют уход за детьми (см., например, [3–6]), который, следовательно, представляет собой родительский труд. С начала 2000-х гг. тема родительского труда (то есть той части домашнего труда, который связан с детьми) стала активно изучаться и российскими учеными (см., например, [7–9]). На Урале на сегодня в этом направлении получен целый ряд результатов [10–12]:

1. В теории:

— родительский труд определен как процесс сознательной целесообразной деятельности, с помощью которой субъекты этого вида труда формируют количественные и качественные характеристики человеческого капитала детей, удовлетворяя в процессе этого труда общественные и личные потребности; родительский труд соответствует всем признакам трудовой деятельности;

— выделены объект, предмет, формы, стадии, структура и трудовые функции родительского труда;

— разработана группировка видов родительского труда по субъекту его реализации, выполняемым трудовым функциям, вовлеченности субъектов в процесс трудовой деятельности и т. д.;

— разработана концепция эффективности репродукционного процесса и эффективности родительского труда;

— разработаны теоретико-методологические положения исследования репродуктивной активности населения в сфере родительского труда;

— предложено понятие прекаризации родительского труда как феномена, характеризующего условия реализации этого вида труда в России;

— разработаны методологические основы изучения мотивов и условий реализации родительского труда в качестве детерминанты рождаемости;

— предложено социологическое рассмотрение родительского труда как субъект-субъектного взаимодействия, отличающегося от профессионального труда внутренним содержанием;

— разработаны теоретико-методологические основы изучения субъектов родительского труда, их самоидентификации и мотивации.

2. В методике:

— разработана методика анализа временных и материальных затрат, связанных с родительским трудом;

— разработана методика оценки результатов родительского труда на его разных стадиях;

— разработана методика социологического изучения содержания мотивов родительского труда;

— разработана методика исследования условий реализации родительского труда;

— разработана методика оценки социальной и экономической эффективности про-

грамм стимулирования родительского труда, реализуемых отдельными российскими предприятиями в рамках социальной ответственности бизнеса;

— разработана методика изучения уровня прекаризации родительского труда.

3. На практике:

— поставлена проблема необходимости введения прямой оплаты родительского труда;

— разработан механизм учета результатов родительского труда в пенсионной системе России;

— российское образование предложено рассматривать в качестве социального института, ответственного за подготовку выпускников не только к профессиональному, но и к родительскому труду; разработаны система ключевых компетенций в сфере родительского труда и механизм их развития на разных уровнях образования;

— разработаны концепции и инструменты информационной политики, направленной на повышение значимости и престижности родительского труда в российском обществе.

Полученные результаты исследований родительского труда в экономике и социологии обладают внутренним единством (они характеризуют различные аспекты трудовой деятельности), они структурированы (теория и методология, методика, практика) и четко разделены по научным отраслям (вопросы условий, организации, ресурсов труда решаются в рамках экономических наук, вопросы, связанные с субъектами труда, отношением к нему в обществе, поведением субъектов труда — в рамках социологической науки). Развитие этого направления исследований нам видится в нескольких аспектах:

1) изучение видов родительского труда, выделенных по его различным параметрам (субъектам труда, вовлеченности в процесс труда и т. д.);

2) исследование потенциала взаимодействия сферы профессионального и родительского труда;

3) изучение особенностей родительского труда в период вынужденного дистанционного обучения школьников в 2020 г.

В частности, одной из перспективных тематик в общем направлении исследований родительского труда нам сегодня представляется изучение специфики прародительского труда (труда бабушек и дедушек в отношении их внуков).

Теоретические вопросы изучения прародительского труда

Прародительский труд имеет специфические характеристики, связанные с набором трудовых функций, затратами времени, включенностью в трудовой процесс, отличающие его от труда, выполняемого родителями. В качестве методологической основы для изучения этого вида труда мы считаем целесообразным использовать следующие разработки.

1. Результаты, полученные в процессе исследований родительского труда:

- понимание родительства как труда, его формы, виды, характер и содержание, характеристика трудовых функций;

- разработка методики включения результатов родительского труда в пенсионную систему России;

- разработка методик оценки материальных и временных затрат, связанных с родительским трудом.

2. Результаты, полученные в процессе демографических исследований прародительства.

Прежде всего, мы имеем ввиду исследования в области демографии прародительства, проводимые зарубежными демографами. Так, например, Леополд и Скопек, сравнивая данные по 25 странам, отвечали на вопросы о возрасте бабушек и дедушек, о пересечении во времени прародительских ролей с рядом других (профессиональной, родительской, сыновней или дочерней), об ожидаемой продолжительности прародительской стадии жизни [13]. Отметим, что результаты, полученные этими исследователями, в значительной мере различались по крупным географическим регионам (США, Восточная и Западная Европа).

Марголис и Вердерей, изучая американское прародительство в исторической перспективе, выделяют следующие ключевые индикаторы для его демографического измерения [14]:

- доля населения в возрастных когортах, имеющего внуков на протяжении своей жизни;

- среднее число внуков, приходящееся на 1 прародителя;

- возраст перехода в прародительство (возраст, когда у человека появляется первый внук / внучка);

- продолжительность прародительства.

В современной зарубежной демографии уже выделилась отдельная отрасль — демография прародительства [15–16]. В первую очередь она охватывает распространенность прародительства в обществе, его возрастную структуру и продолжительность, продолжительность пересечения прародительского и других семей-

ных статусов у одного лица, а также с числом лиц, имеющих прародителей, в обществе. Рассмотрение прародительства как трудовой деятельности добавляет к этим фокусам исследований целый ряд вопросов, связанных с изучением параметров труда, — например, затраты, возникающие в процессе этого труда, удовлетворенность трудовым процессом, ориентация на его стимулирование и др.

Настоящее исследование является одним из первых экономико-статистических исследований прародительского труда в России. Его цель состоит в выявлении специфических региональных ситуаций — моделей прародительского труда в социально-экономическом пространстве страны. Учитывая высокую степень дифференциации российских территорий по уровням многих экономических, демографических показателей, такое исследование представляется востребованным и отвечающим тем стратегически важным задачам, которые сегодня ставятся перед российским государством и обществом. Здесь, прежде всего, необходимо отметить национальный проект «Демография», в рамках которого разработан отдельный федеральный проект «Старшее поколение», а также Стратегию пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года. Последняя ставит своей целью обеспечение устойчивого и сбалансированного пространственного развития, связанного с сокращением межрегиональных различий, что, безусловно, невозможно без соответствующего информационно-аналитического сопровождения.

Данные и методы

На сегодняшний день в России не проводятся полномасштабные исследования прародительского труда (и прародительства в целом) с возможностью его дифференцированного рассмотрения и сопоставления в различных регионах страны. Поэтому в нашем исследовании в качестве источника информации мы использовали единственно доступный ресурс — данные обследования Росстата 2018 г. «Комплексное наблюдение условий жизни населения»¹. Это обследование охватывает все регионы России и проводится с периодичностью раз в два года. Его результаты рассматриваются как репрезентативные в целом по стране, городским и сельским поселе-

¹ Комплексное наблюдение условий жизни населения 2018 // Федеральная служба государственной статистики. URL: https://gks.ru/free_doc/new_site/KOUZ18/index.html (дата обращения: 11.06.2020).

ниям, по отдельным социально-демографическим группам населения. Отдельные вопросы этого обследования позволяют в первом приближении моделировать родительский труд прародителей.

В качестве статистического инструментария, позволяющего оценить региональную неоднородность и специфичность прародительского труда, мы применяли кластерный анализ. Он был реализован на основе следующих переменных:

- доля бабушек, вовлеченных на ежедневной основе в процесс прародительского труда (от общего числа бабушек);

- затраты времени бабушек на выполнение ими функций прародительского труда (часов в неделю);

- уровень образования бабушек (суммарное количество лет, затраченных на обучение);

- самооценка состояния здоровья (от 1 — «очень плохое» до 5 — «очень хорошее»);

- социальная активность бабушек (расчетный показатель, представляющий собой сумму различных видов социальной активности, которые проявляли бабушки за последний год: посещение театра, кино, спортивных, религиозных мероприятий, кафе и ресторанов, совершение путешествий по стране и за границу).

Следует дать некоторые комментарии относительно переменных кластеризации.

Во-первых, отметим, что в официальной российской статистике нет данных, позволяющих однозначно идентифицировать социально-демографические группы бабушек и дедушек как лиц, имеющих внуков. Поэтому мы смоделировали интересующую нас группу на основе наиболее валидного индикатора — возраста респондента. При этом мы ориентировались на официальный статистический показатель среднего возраста матери при рождении детей. В 2018 г. он составил 28,7 года¹, а в 1989 г. (предыдущее поколение матерей) — 25,5 года². Таким образом, в исследуемую совокупность были отобраны женщины в возрасте 55 лет и старше. В среднем именно в этом возрасте российская женщина становится бабушкой.

Во-вторых, обследование условий жизни населения³, которое мы использовали в качестве информационного ресурса, не оперирует категорией «прародительский труд». Для идентификации такого труда мы использовали ряд вопросов этого обследования, которые отражают вовлеченность населения в уход за детьми (своими или чужими) без оплаты. Так, для определения доли бабушек, вовлеченных на ежедневной основе в процесс прародительского труда, мы использовали следующий вопрос: «Входит ли в круг Ваших ежедневных занятий уход за детьми, своими собственными или чужими (без оплаты)?».

В-третьих, выбор показателей уровня образования, самооценки здоровья и социальной активности в качестве переменных кластеризации не был случайным. Результаты нашего более раннего исследования [17] показали, что именно по уровню этих показателей бабушки, активно вовлеченные в прародительский труд, статистически значимо отличались от тех, кто не активен в этом виде труда.

В обследовании условий жизни населения единицами наблюдения являются отдельные индивиды, в нем не содержатся агрегированные обобщающие данные по регионам. Поэтому для выявления типологических групп российских регионов на основе кластерного анализа мы рассчитали такие обобщающие региональные оценки для используемых в анализе переменных. Рассчитывались либо средние, либо медианные значения показателей. Последние применялись в случае, когда среднее значение не являлось типичной характеристикой в силу высокой вариативности внутрирегиональных значений. Для каждой переменной был выбран только один показатель — либо средний, либо медианный.

Как известно, кластерный анализ относится к эвристическим статистическим методам, а его результаты заметно варьируются при выборе тех или иных мер расстояний между объединяемыми объектами и способов объединения. Учитывая это обстоятельство, мы проводили кластеризацию на основе различных мер, выполняли иерархическую и неиерархическую ее разновидности. Это было необходимо для того, чтобы сопоставить результаты распределения регионов по однородным сегментам и подтвердить надежность такого распределения.

¹ Средний возраст матери при рождении детей (лет) // Демографический ежегодник России — 2019. М.: Росстат, 2019. URL: https://gks.ru/bgd/regl/B19_16/Main.htm (дата обращения: 11.06.2020).

² Средний возраст матери при рождении детей (лет) // Демографический ежегодник России — 2002. М.: Росстат, 2003. URL: https://gks.ru/bgd/regl/B02_16/IssWWW.exe/Stg/d010/i010330r.htm (дата обращения: 11.06.2020).

³ Комплексное наблюдение условий жизни населения 2018 // Федеральная служба государственной статистики. URL: https://gks.ru/free_doc/new_site/KOUZ18/index.html (дата обращения: 11.06.2020).

При этом в процессе исследования мы обнаружили, что изменение метода кластеризации приводит к тому, что заметная часть регионов меняет свою кластерную принадлежность. Поэтому для выявления действительно типичных региональных моделей, сложившихся в сфере прародительского труда, мы находили группы регионов, устойчиво связанных в различных вариантах кластеризации (регионы-ядра каждой модели). Сопоставлялись результаты сегментирования, полученные на основе неиерархического кластерного анализа (метод k -средних), иерархического на основе метода Варда и квадрата евклидова расстояния, иерархического на основе метода Варда и евклидова расстояния.

Эти методы давали наиболее четкое разделение исследуемой совокупности на однородные сегменты.

Результаты исследования

В процессе анализа было выявлено 6 групп устойчиво связанных регионов, которые, на наш взгляд, можно рассматривать в качестве своего рода моделей прародительского труда в российском социально-экономическом пространстве. Обобщающие характеристики этих моделей представлены в таблице 1.

Характеристика этих моделей становится более яркой при разделении включенных в анализ индикаторов на две группы.

Группа 1 включает в себя индикаторы включенности женщин старшего возраста в сферу прародительского труда, отражаемые через широту (доля бабушек, вовлеченных на ежедневной основе в процесс прародительского труда) и интенсивность (затраты времени на выполнение функций прародительского труда) этой включенности. Различия моделей по этим индикаторам представлены

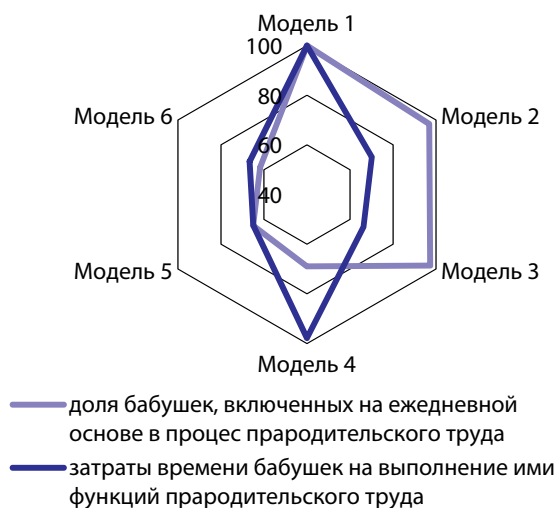

Рис. 1. Показатели включенности бабушек в сферу прародительского труда (стандартизованные величины)

Fig. 1. Indicators of the involvement of grandmothers in grandparents' labour (standardised values)

на рисунке 1. Заметим, что для большей наглядности различий в выявленных моделях исходные данные были стандартизованы (представлены в виде отношения к максимальному наблюдаемому уровню).

Группа 2 объединяет индикаторы потенциала женщин старшего возраста в сфере прародительского труда (по их уровню образования, здоровью, социальной активности). Отметим, что потенциал здоровья в исследовании измерялся через самооценку состояния здоровья, что, с одной стороны, может не отражать реальной ситуацию физического здоровья, но с другой — вполне может определять готовность женщин старшего возраста к реализации функций прародительского труда. Различия моделей по показателям этой группы (стандартизованным) показаны на рисунке 2.

Наиболее активно прародительский труд реализуется в первой модели — и по широте,

Таблица 1

Модели прародительского труда в российском социально-экономическом пространстве

Table 1

Models of grandparents' labour in the socio-economic space of Russia

Модель	Количество устойчиво-связанных регионов	Доля бабушек, вовлеченных на ежедневной основе в процесс прародительского труда (в общем числе бабушек)	Затраты времени на выполнение функций прародительского труда	Уровень образования	Самооценка здоровья	Социальная активность
1	6	20,4	20,5	11,92	3,14	1,40
2	4	19,7	14,4	12,69	3,13	1,95
3	6	19,8	13,6	11,60	3,19	1,31
4	17	14,0	20,1	11,71	3,28	1,03
5	13	13,2	13,3	11,19	3,24	0,99
6	9	12,6	13,7	11,99	3,19	1,19

Таблица 2

Регионы — ядра моделей прародительского труда в социально-экономическом пространстве России

Table 2

Core region of the models of grandparents' labour in the socio-economic space of Russia

Модель	Регионы — ядра модели
1	Пермский край, Республика Бурятия, Республика Коми, Республика Саха (Якутия), Республика Татарстан, Удмуртская Республика
2	г. Москва, г. Санкт-Петербург, Ленинградская обл., Республика Тыва
3	Вологодская обл., Кировская обл., Костромская обл., Республика Алтай, Челябинская обл., Ярославская обл.
4	Алтайский край, Амурская обл., Белгородская обл., Забайкальский край, Красноярский край, Оренбургская обл., Орловская обл., Приморский край, Псковская обл., Республика Адыгея, Республика Башкортостан, Республика Мордовия, Республика Хакасия, Саратовская обл., Смоленская обл., Тверская обл., Тюменская обл.
5	Владимирская обл., Ивановская обл., Кабардино-Балкарская Республика, Карачаево-Черкесская Республика, Курская обл., Липецкая обл., Нижегородская обл., Омская обл., Пензенская обл., Республика Марий Эл, Республика Северная Осетия — Алания, Тамбовская обл., Ульяновская обл.
6	г. Севастополь, Иркутская обл., Краснодарский край, Московская обл., Новосибирская обл., Самарская обл., Сахалинская обл., Тульская обл., Хабаровский край

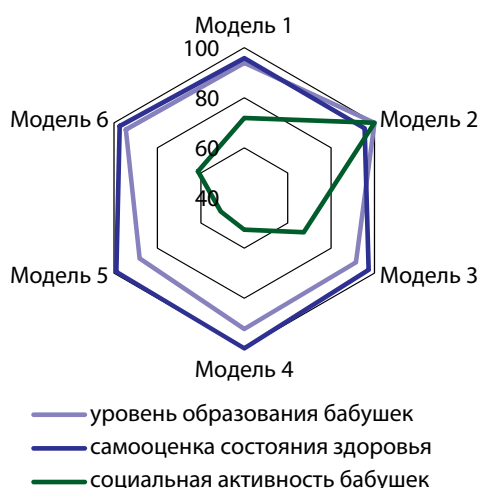

Рис. 2. Показатели потенциала женщин старшего возраста в сфере прародительского труда (стандартизованные величины)

Fig. 2. Indicators of the potential of older women in grandparents' labour (standardised values)

и по глубине охвата в этом типе регионов зафиксированы максимальные средние показатели (20,4 % бабушек, включенных в ежедневную заботу о внуках, 20,5 часов — еженедельный объем затрат на этот вид труда). В то же время, характеристики потенциала субъектов прародительского труда в этом типе регионов — далеко не самые лучшие: низкая самооценка здоровья, средние показатели социальной активности и образования. В этот кластер, например, входят Пермский край, республики Коми и Татарстан (полный региональный состав каждой модели представлен в таблице 2).

Вторая и третья модели схожи по характеристикам широты и интенсивности прародительского труда — и там и там наблюдается

достаточно высокая широта охвата этим видом труда женщин старшего возраста (19,7–19,8 %) при достаточно низкой его интенсивности (13,6–14,4 часов). Отличия двух моделей кроются в характеристиках потенциала субъектов труда: в регионах, входящих во второй кластер, все показатели (кроме самооценки здоровья) максимальны — самая высокая средняя продолжительность полученного образования (12,7 лет), самое большое число социальных активностей (1,9), в то время как в регионах третьего кластера эти показатели заметно ниже (соответственно 11,9 лет и 1,4 активности). В качестве примеров регионов, входящих во второй кластер, приведем такие субъекты РФ, как г. Москва, г. Санкт-Петербург и Ленинградская область. К третьему кластеру относятся Вологодская, Костромская и Ярославская области.

Четвертая модель по ситуации вовлеченности в прародительский труд — зеркальна по сравнению со вторым и третьим кластерами: женщины старшего возраста здесь мало вовлечены в процесс ухода за внуками (14,0 % от опрошенных), но те, кто вовлечен, реализуют эти функции весьма интенсивно (средние затраты времени — 20,1 часов в неделю). Субъекты прародительского труда в регионах этого кластера демонстрируют средний потенциал по образованию и социальной активности, но при этом — максимальную самооценку здоровья. Примерами регионов, входящих в данный кластер, могут выступать Красноярский край, Оренбургская и Саратовская области.

В пятой и шестой моделях регионов наблюдается ситуация пассивности (в сравнении с другими кластерами) в сфере прароди-

тельского труда: тут низкие показатели и широты охвата, и интенсивности этого вида труда (в среднем от 12,6 до 13,2 % вовлеченных в ежедневную заботу о внуках бабушек, от 13,3 до 13,7 часов еженедельных затрат времени). Различия данных кластеров состоят в характеристиках потенциала субъектов прародительского труда: в шестой модели они выше по образованию и социальной активности, а в пятой — по самооценке здоровья. В качестве примера регионов, входящих в шестой кластер, можно рассматривать Краснодарский край, Самарскую и Новосибирскую области, входящих в пятый кластер — Владимирскую и Омскую области, Карачаево-Черкесскую Республику.

Обсуждение полученных результатов и дискуссионные вопросы исследования

Результаты нашего исследования свидетельствуют о наличии в российских регионах различных моделей прародительского труда по вовлеченности населения старшего возраста в его реализацию и характеристикам потенциала субъектов этого труда. В тех регионах, в которых зафиксирован более активный прародительский труд (вошедшие в первый и в какой-то мере во второй, третий и четвертый кластеры), можно ожидать различные социальные эффекты, которые влияют как на отдельные социальные группы, так и на общество в целом. К таким эффектам ученые, например, относят увеличение продолжительности жизни людей, занятых заботами о внуках [18], получение позитивных эмоций и эмоциональной поддержки от внуков [19], усиление позитивной мотивации и улучшение душевного психологического самочувствия [20], улучшение их физического здоровья [21], снижение риска смерти [22], повышение уровня счастья [23] и т. д. Есть исследования, в которых выявляются позитивные аспекты межпоколенного взаимодействия и для детей: например, влияние на их учебные результаты [24], смягчение ситуаций семейных кризисов (в частности, разводов родителей [25]) и даже снижение детской смертности [26]. Распространение перечисленных преимуществ активной реализации прародительского труда на региональный масштаб позволяет говорить о том, что в регионах, где интенсивность и распространенность подобных межпоколенческих трансфертов выше, ниже уровень социального неравенства между поколениями, сложных межпоколенческих отношений, а значит, — в них наблюдаются более позитивная семейная динамика и более высо-

кий уровень социального благополучия населения в целом.

Наличие столь очевидных преимуществ активизации прародительского труда в регионе делает актуальным постановку вопроса о возможности и необходимости его стимулирования — особенно в тех регионах, в которых он пока не столь распространен и которые, следовательно, не получают потенциальных социальных и экономических выгод от него. Разработка и внедрение механизма стимулирования прародительского труда позволят не только повысить уровень жизни населения старших возрастов, но и быстрее вернуть трудоспособных родителей на рынок труда, а также стимулировать семейные решения в отношении рождения ими следующих детей.

Постановка вопросов об усилении вовлеченности людей старшего возраста в прародительский труд, его стимулировании, на наш взгляд, должна быть связана и с качеством его реализации. Освоение специальных компетенций, необходимых современному субъекту прародительского труда, может быть организовано на региональном уровне за счет средств бюджетов соответствующих субъектов РФ. Опыт подобных программ в зарубежных странах насчитывает уже более двух десятилетий¹. Сегодня и в России существуют отдельные примеры подобных курсов: совместный проект Департамента здравоохранения и Департамента труда и социальной защиты населения Москвы для москвичей пенсионного возраста «Знаю школьную программу лучше внука»², целевая аудитория которого — бабушки и дедушки, активно общающиеся со внуками, которые взяли на себя функции сопровождения внуков из школы и помощи им в выполнении школьных домашних заданий, Школа эффективных бабушек при Университете для пожилых людей общества «Знание»³, программы для бабушек

¹ Японская школа для бабушек объявляет набор // РБК. 14.11.2001. URL: <https://www.rbc.ru/society/14/11/2001/5703b3129a7947783a5a265bhttps://www.rbc.ru/society/14/11/2001/5703b3129a7947783a5a265b> (дата обращения: 11.06.2020).

² Проект для дедушек и бабушек, которые помогают внукам делать уроки // Mosgorzdrav.ru. URL: <https://mosgorzdrav.ru/ru-RU/school-program.html> (дата обращения: 11.06.2020).

³ Швецова И. Школа эффективных бабушек при Университете для пожилых людей общества «Знание» // ГТПК «Вятка». URL: <https://www.gtrk-vyatka.ru/vesti/society/18570-shkola-effektivnyh-babushek-pri-universitete-dlya-pozhilyh-lyudey-obshchestva-znanie.html> (дата обращения: 11.06.2020).

и дедушек в Школе для пап и мам в г. Москве¹ и др. В многих регионах проводятся и разовые мероприятия — например, день бабушек и дедушек в «Школе внуководения» в г. Лесной Свердловской области². Организация подобных программ на региональном уровне позволит показать важность развития специальных компетенций, необходимых для эффективного межпоколенного взаимодействия, разработать оптимальные программы для людей старшего возраста, наконец — привлечь регионам в число субъектов прародительского труда более широкий круг участников.

Наличие в российском социально-демографическом пространстве различных моделей прародительского труда, а также положительные социальные эффекты, которые потенциально возможны в регионах, где этот труд реализуется наиболее активным образом, порождают объективную необходимость мониторинга складывающихся региональных ситуаций. Такое регулярное демографо-статистическое наблюдение позволит создать информационно-аналитическую основу для разработки эффективных государственных мер по стимулированию и активизации прародительского труда. Кроме того, проведение регулярных и в масштабах всей страны исследований феномена прародительства соотносится с важнейшей задачей создания информационно-аналитической системы для отслеживания выполнения показателей национальных проектов, разрабатываемой Правительством РФ. Здесь, в первую очередь, мы говорим о целевых ориентирах национального проекта «Демография» и в особенности его федерального проекта «Старшее поколение», целью которого является увеличение ожидаемой продолжительности здоровой жизни до 67 лет³.

¹ Программа для Бабушек и дедушек // Школа для Пап и Мам. URL: <https://www.mamapapa.ru/service/programma-dlya-babushek-i-dedushek/> (дата обращения: 11.06.2020).

² День бабушек и дедушек «Школа внуководения» // Культура.рф. URL: <https://www.culture.ru/events/531722/den-babushek-i-dedushek-shkola-vnukovedeniya> (дата обращения: 11.06.2020).

³ Паспорт федерального проекта «Разработка и реализация программы системной поддержки и повышения качества жизни граждан старшего поколения «Старшее по-

Заключение

Исследование прародительского труда, представленное в настоящей статье, является перспективной линией развития общего направления исследований родительского труда, поскольку оно соотносится со стратегическими задачами социально-экономического развития страны.

Проведенное исследование показало, что на территории России существует несколько моделей прародительского труда, характеризующихся различной степенью включенности населения в этот вид труда, а также различным потенциалом в этой сфере. Выявленные кластеры регионов пока не обладают статистической устойчивостью в силу неспециализированности и — потому — неполной валидности индикаторов, на основе которых эти кластеры выделялись. Однако мы выделили устойчивые ядра каждого кластера — модели прародительского труда, сложившиеся на территории России. Очевидно, что для более глубокого изучения этого вида труда востребованными будут исследования именно этих регионов.

Перспективы нашего исследования видятся и в изучении содержания прародительского труда других его субъектов — дедушек, его отличия от труда бабушек. Еще одним направлением развития нашего исследования является изучение особенностей прародительского труда для разных категорий его субъектов — проживающих вместе с внуками и отдельно от них, проживающих в одном городе, регионе или разных российских регионах, изучение многочисленных социологических аспектов реализации прародительского труда.

Кроме того, теоретические основания существования положительных социальных эффектов феномена прародительства, обобщенные и представленные в нашем исследовании, делают актуальной постановку вопроса о возможности и необходимости стимулирования прародительского труда с учетом его специфики в различных регионах.

Утвержден президиумом Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам (протокол от 24.12.2018 № 16) URL: <https://rosmintrud.ru/ministry/programms/demography/3> (дата обращения: 11.06.2020).

Список источников

1. Oakley A. The sociology of housework. New York : Pantheon, 1974. 219 p.
2. Hochschild A. R. The time bind: When work becomes home and home becomes work. New York : Metropolitan Books, 1997. 316 p.

3. Erickson R. J. Why emotions work matters: sex, gender and the division of household labor // *Journal of Marriage and Family*. 2005. Vol. 67, iss. 2. P. 337–351. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.0022-2445.2005.00120.x>.
4. Bianchi S. M., Milkie M. A. Work and family research in the first decade of the 21st century // *Journal of Marriage and Family*. 2010. Vol. 72, iss. 3. P. 705–725. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1741-3737.2010.00726.x>.
5. Blair S. L., Lichter D. T. Measuring the division of household labor: Gender segregation of housework among American couples // *Journal of Family Issues*. 1991. Vol. 12, iss. 1. P. 91–113. DOI: <https://doi.org/10.1177/019251391012001007>.
6. Shelton B. A., John D. The division of household labor // *Annual review of sociology*. 1996. Vol. 22. P. 299–322. DOI: <https://doi.org/10.1146/annurev.soc.22.1.299>.
7. Синица А. Л. Труд по уходу за детьми дошкольного возраста. Сочетание домашней и общественной форм. М. : МАКС Пресс, 2012. 176 с.
8. Шубенкова Е. В., Панина Е. В. Забота о детях как вид трудовой деятельности // *Вестник Тверского государственного университета*. 2013. № 22. С. 73–83. (Экономика и управление).
9. Великая Е. Г. Репродуктивный труд как инструмент роста национальной экономики // *Национальные интересы. Приоритеты и безопасность*. 2013. Т. 9, № 44 (233). С. 2–10.
10. Родительский труд. Экономический и социологический анализ / А. П. Багирова, Д. Г. Быкова, А. И. Ворошилова и др. Екатеринбург : Издательство Уральского университета, 2017. 208 с.
11. Родительский труд. Условия реализации, мотивы и результаты / А. П. Багирова, Д. Г. Быкова, А. И. Ворошилова и др. Екатеринбург : Издательство Уральского университета, 2015. 171 с.
12. Мотивация родительского труда и регулирование установок на родительство населения Уральского региона / А. П. Багирова, О. М. Шубат, А. И. Ворошилова и др. Екатеринбург : Издательство Уральского университета, 2014. 271 с.
13. Leopold T., Skopek J. The Demography of Grandparenthood: An International Profile // *Social Forces*. 2015. Vol. 94, iss. 2. P. 801–832. DOI: <https://doi.org/10.1093/sf/sov066>.
14. Margolis R., Verdery A. M. A Cohort Perspective on the Demography of Grandparenthood: Past, Present, and Future Changes in Race and Sex Disparities in the United States // *Demography*. 2019. Vol. 56, iss. 4. P. 1495–1518. DOI: <https://doi.org/10.1007/s13524-019-00795-1>.
15. Arpino B., Guma J., Julia A. Family histories and the demography of grandparenthood // *Demographic Research*. 2018. Vol. 39, iss. 1. P. 1105–1150. DOI: <https://doi.org/10.4054/DemRes.2018.39.42>.
16. Margolis R., Arpino B. The demography of grandparenthood in 16 European countries and two North American countries // *Grandparenting practices around the world* / ed. by V. Timonen. Bristol : Policy Press, 2019. P. 23–41.
17. Shubat O., Bagirova A. Russian Grandparenting: Demographic and Statistical Modelling Experience // *Communications of the ECMS*. 2020. Vol. 34, iss. 1. P. 78–83 (Proceedings of the 34th International ECMS Conference on Modelling and Simulation ECMS 2020). DOI: <https://doi.org/10.7148/2020>.
18. Grandmotherhood across the demographic transition / S. N. Chapman, J. E. Pettay, M. Lahdenperä, V. C. Lummaa // *PLoS ONE*. 2018. Vol. 13, iss. 7. № e0200963. DOI: <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0200963>.
19. Silverstein M., Long J. D. Trajectories of grandparents' perceived solidarity with adult grandchildren: A growth curve analysis over 23 years // *Journal of Marriage and the Family*. 1998. Vol. 60, iss. 4. P. 912–923. DOI: <https://doi.org/10.2307/353634>.
20. Coall D. A., Hertwig R. Grandparental investment: Past, present and future // *Behavioral and Brain Sciences*. 2010. Vol. 33, iss. 1. P. 1–19. DOI: <https://doi.org/10.1017/S0140525X09991105>.
21. Kim H.-J., Kang H., Johnson-Motoyama M. The psychological well-being of grandparents who provide supplementary grandchild care: a systematic review // *Journal of Family Studies*. 2017. Vol. 23, iss. 1. P. 118–141. DOI: <https://doi.org/10.1080/13229400.2016.1194306>.
22. Caregiving within and beyond the family is associated with lower mortality for the caregiver: a prospective study / S. Hilbrand, D. A. Coall, D. Gerstorf, R. Hertwig // *Evolution and Human Behavior*. 2017. Vol. 38, iss. 3. P. 397–403. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.evolhumbehav.2016.11.010>.
23. Danielsbasca M., Tanskanen A. O. The association between grandparental investment and grandparents' happiness in Finland // *Personal Relationships*. 2016. Vol. 23, iss. 4. P. 787–800. DOI: <https://doi.org/10.1111/pere.12160>.
24. Del Boca D., Piazzalunga D., Pronzato C. The role of grandparenting in early childcare and child outcomes // *Review of Economics of the Household*. 2018. Vol. 16, iss. 2. P. 477–512. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11150-017-9379-8>.
25. Attar-Schwartz S., Buchanan A. Grandparenting and adolescent well-being: evidence from the UK and Israel // *Contemporary Social Science*. 2018. Vol. 13, iss. 2. P. 219–231. DOI: <https://doi.org/10.1080/21582041.2018.1465200>.
26. Sear R., Coall D. A. How much does family matter? Cooperative breeding and the demographic transition // *Population and development review*. 2011. Vol. 37, iss. Suppl. 1. P. 81–112. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1728-4457.2011.00379.x>.

References

1. Oakley, A. (1974). *The sociology of housework*. New York: Pantheon, 219.
2. Hochschild, A. R. (1997). *The time bind: When work becomes home and home becomes work*. New York: Metropolitan Books, 316.
3. Erickson, R. J. (2005). Why emotions work matters: sex, gender and the division of household labor. *Journal of Marriage and Family*, 67(2), 337–351. DOI: 10.1111/j.0022-2445.2005.00120.x.

4. Bianchi, S. M. & Milkie, M. A. (2010). Work and family research in the first decade of the 21st century. *Journal of Marriage and Family*, 72(3), 705–725. DOI: 10.1111/j.1741-3737.2010.00726.x
5. Blair, S. L. & Lichter, D. T. (1991). Measuring the division of household labor: Gender segregation of housework among American couples. *Journal of Family Issues*, 12(1), 91–113. DOI: 10.1177/019251391012001007.
6. Shelton, B. A. & John, D. (1996). The division of household labor. *Annual review of sociology*, 22, 299–322. DOI: 10.1146/annurev.soc.22.1.299.
7. Sinitsa, A. L. (2012). *Trud po ukhodu za detmi doskolnogo vozrasta. Sochetanie domashney i obshchestvennoy form [Care of preschool children as labour: home and public forms union]*. Moscow, MAX Press, 176. (In Russ.)
8. Shubenkova, E. V., & Panina, E. V. (2013). Child care as a form of labor activity. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika i upravlenie [Herald of Tver State University. Series "Economics and management"]*, 22, 73–83. (In Russ.)
9. Velikaya, E. G. (2013). Reproductive labor as tool for economic growth of national economy. *Natsionalnye interesy. Priority i bezopasnost [National interests: priorities and security]*, 9(44(233)), 2–10. (In Russ.)
10. Bagirova, A. (Ed.). (2017). *Roditskiy trud. Ekonomicheskiy i sotsiologicheskiy analiz [Parental labour: an economic and sociological analysis]*. Ekaterinburg: Ural University Publishing House, 208. (In Russ.)
11. Bagirova, A. (Ed.). (2015). *Roditskiy trud. Usloviya realizatsii, motivy i rezul'taty [Parental labour: conditions of implementation, motives and results]*. Ekaterinburg: Ural University Publishing House, 171. (In Russ.)
12. Bagirova, A. (Ed.). (2014). *Motivatsiya roditelskogo truda i regulirovanie ustanovok na roditelstvo naseleniya Uralskogo regiona [Motivation of parental labor and regulation of attitudes to parenthood of the population of the Ural region]*. Ekaterinburg: Ural University Publishing House, 271. (In Russ.)
13. Leopold, T. & Skopek, J. (2015). The Demography of Grandparenthood: An International Profile. *Social Forces*, 94(2), 801–832. DOI: 10.1093/sf/sov066.
14. Margolis, R. & Verdery, A. M. (2019). A Cohort Perspective on the Demography of Grandparenthood: Past, Present, and Future Changes in Race and Sex Disparities in the United States. *Demography*, 56(4), 1495–1518. DOI: 10.1007/s13524-019-00795-1.
15. Arpino, B., Guma, J. & Julia, A. (2018). Family histories and the demography of grandparenthood. *Demographic Research*, 39(1), 1105–1150. DOI: 10.4054/DemRes.2018.39.42.
16. Margolis, R. & Arpino, B. (2019). The demography of grandparenthood in 16 European countries and two North American countries. In: V. Timonen (Ed.), *Grandparenting practices around the world* (pp. 23–41). Bristol: Policy Press.
17. Shubat, O. & Bagirova, A. (2020). Russian Grandparenting: Demographic and Statistical Modelling Experience. *Proceedings of the 34th International ECMS Conference on Modelling and Simulation ECMS 2020*, 34(1), 78–83. DOI: <http://doi.org/10.7148/2020>
18. Silverstein, M. & Long, J. D. (1998). Trajectories of grandparents' perceived solidarity with adult grandchildren: A growth curve analysis over 23 years. *Journal of Marriage and the Family*, 60(4), 912–923. DOI: 10.2307/353634.
19. Chapman, S. N., Pettay, J. E., Lahdenperä, M. & Lummaa, V. C. (2018). Grandmotherhood across the demographic transition. *PLoS ONE*, 13(7), e0200963. DOI: 10.1371/journal.pone.0200963.
20. Coall, D. A. & Hertwig, R. (2010). Grandparental investment: Past, present and future. *Behavioral and Brain Sciences*, 33(1), 1–19. DOI: 10.1017/S0140525X09991105.
21. Kim, H.-J., Kang, H. & Johnson-Motoyama, M. (2017). The psychological well-being of grandparents who provide supplementary grandchild care: a systematic review. *Journal of Family Studies*, 23(1), 118–141. DOI: 10.1080/13229400.2016.1194306.
22. Hilbrand, S., Coall, D.A., Gerstorf, D. & Hertwig, R. (2017). Caregiving within and beyond the family is associated with lower mortality for the caregiver: a prospective study. *Evolution and Human Behavior*, 38(3), 397–403. DOI: 10.1016/j.evolhumbehav.2016.11.010.
23. Danielsbasca, M. & Tanskanen, A.O. (2016). The association between grandparental investment and grandparents' happiness in Finland. *Personal Relationships*, 23(4), 787–800. DOI: 10.1111/pere.12160.
24. Del Boca, D., Piazzalunga, D. & Pronzato, C. (2018). The role of grandparenting in early childcare and child outcomes. *Review of Economics of the Household*, 16(2), 477–512. DOI: 10.1007/s11150-017-9379-8.
25. Attar-Schwartz, S. & Buchanan, A. (2018). Grandparenting and adolescent well-being: evidence from the UK and Israel. *Contemporary Social Science*, 13(2), 219–231. DOI: 10.1080/21582041.2018.1465200.
26. Sear, R. & Coall, D. A. (2011). How much does family matter? Cooperative breeding and the demographic transition. *Population and development review*, 37(S1), 81–112. DOI: 10.1111/j.1728-4457.2011.00379.x.

Информация об авторах

Багирова Анна Петровна — доктор экономических наук, профессор, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина; Scopus Author ID: 55361822000, <https://orcid.org/0000-0001-5653-4093> (Российская Федерация, 620014, г. Екатеринбург, пр. Ленина, 13 «Б»; e-mail: a.p.bagirova@urfu.ru).

Шубат Оксана Михайловна — кандидат экономических наук, доцент, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина; Scopus Author ID: 55361508300, <https://orcid.org/0000-0002-0929-8144> (Российская Федерация, 620002, г. Екатеринбург, ул. Мира, 19; e-mail: o.m.shubat@urfu.ru).

About the authors

Anna P. Bagirova — Dr. Sci. (Econ.), Professor, Ural Federal University; Scopus Author ID: 55361822000; <https://orcid.org/0000-0001-5653-4093> (13B, Lenina Ave., Ekaterinburg, Russian Federation; e-mail: a.p.bagirova@urfu.ru).

Oksana M. Shubat — Cand. Sci. (Econ.), Assistant Professor, Ural Federal University; Scopus Author ID: 55361508300; <https://orcid.org/0000-0002-0929-8144> (19, Mira St., Ekaterinburg, Russian Federation; e-mail: o.m.shubat@urfu.ru).

Дата поступления рукописи: 15.06.2020.

Прошла рецензирование: 14.08.2020.

Принято решение о публикации: 18.12.2020.

Received: 15 Jun 2020

Reviewed: 14 Aug 2020

Accepted: 18 Dec 2020